

Протоиерей Константин Костромин

Правовые аспекты создания Богословского института в Петрограде

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_90

Аннотация: Революционные события 1917 г. поставили вопрос о формах существования духовного образования в России, а первые законодательные инициативы большевистской власти обозначили как конфронтацию по отношению к Церкви, так и изменения в образовательной политике. Несмотря на непринятие такой политики в целом и законодательных актов в частности со стороны высшей церковной власти, закрытие Петроградской духовной академии заставило церковное сообщество столицы искать новые формы духовного образования, которые можно было бы воплотить при новом режиме. Статья посвящена анализу Положения о богословском институте в Петрограде, утвержденного Св. Патриархом Тихоном в 1920 г., в контексте формирования советского законодательства, касавшегося вопросов жизни Церкви и функционирования высшего образования. Попутно был проведен и сравнительный анализ Положения с Уставом духовных академий 1884 г., действовавшим до конца 1917 г., чтобы выяснить, какие традиции духовного образования пытались сохранить создатели Богословского института и какие традиции им удалось отстоять. Автор пришел к выводу, что составители Положения постарались максимально учесть пожелания советской власти, чтобы облегчить регистрацию института в Народном комиссариате просвещения, но при этом максимально использовали все лазейки законодательства, чтобы сохранить часть традиций дореволюционного богословского образования.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, духовное образование, советская власть, законодательство, Петроградский богословский институт.

Об авторе: **Протоиерей Константин Александрович Костромин**

Кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Ссылка на статью: Костромин К., прот. Правовые аспекты создания Богословского института в Петрограде // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 90–106.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2021

Archpriest Konstantin Kostromin

**The Legal Aspects of the Creation the Theological Institute
in Petrograd**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_90

Abstract: The revolutionary events of 1917 raised the question of the forms of existence of theological education in Russia, and the first legislative initiatives of the Bolshevik government indicated both confrontation with the Church and changes in educational policy. Despite the rejection of such a policy in general and legislative acts in particular on the part of the highest church authorities, the closure of the Petrograd Theological Academy forced the church community of the capital to look for new forms of theological education that could be implemented under the new regime. The article is devoted to the analysis of the Statute of the Theological Institute in Petrograd, approved by Patriarch St. Tikhon in 1920, in the context of the formation of Soviet legislation concerning the life of the Church and the functioning of higher education. Along the way, a comparative analysis of the Regulations with the Charter of theological academies of 1884, which was in force until the end of 1917, was carried out in order to find out which traditions of theological education the founders of the Theological Institute tried to preserve, and which traditions they managed to defend. The author came to the conclusion that the drafters of the Regulations tried to take into account the wishes of the Soviet authorities as much as possible in order to facilitate the registration of the institute in the People's Commissariat of Education, but at the same time they made the most of all the loopholes in the legislation in order to preserve part of the traditions of pre-revolutionary theological education.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church, Theological Education, Soviet authorities, Legislation, Petrograd Theological Institute.

About the author: **Archpriest Konstantin Alexandrovich Kostromin**

PhD in history, PhD in Theology, Associate Professor, Vice-Rector for Research of the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Article link: Kostromin K., archpriest. The Legal Aspects of the Creation the Theological Institute in Petrograd. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 3, pp. 90–106.

Противостояние духовного образования и российского социализма, представленного на политической арене меньшевистской и большевистской «социал-демократическими» партиями, социалистами-революционерами и «трудовиками», началось задолго до революционных событий 1917 г. Церковь, почувствовав опасность, исходящую от социалистического направления политической мысли, успела подвергнуть его программу анализу и критике, которая была реализована в форме семинарского курса «Обличения основ социализма» [Фирсов, 2007, 200–215]. Таким образом, быстрое закрытие духовных школ в случае прихода к власти одной из социалистических группировок было предпринято не столько собственными взглядами большевиков и иных близких к ним политических сил, сколько начавшейся борьбой Церкви с ними, в которой ключевая роль была отведена духовным школам.

Революционные события 1917 г. пришлось на конец 1916/1917 учебного года, летние каникулы и начало 1917/1918 учебного года. Отречение императора и фактическая смена государственного строя заставила духовные академии готовиться к неизбежным изменениям в их жизни, прежде всего связанным с либерализацией идеи «свободы совести» и надеждами на расширение научной деятельности. Специальный съезд рассматривал перспективу смены устава академий и существенное перестроение учебной программы, которые сделали бы духовную академию более похожей на университет — то, о чем мечтали еще в XIX в. [Карпук, Бабак, 2018, 125; Сухова, 2006, 158–159, 210–216, 514]. Перспектива казалась впечатляющей, однако осуществить ее помешал октябрьский переворот. Судя по планам реформы, она должна была сблизить духовные академии и университеты, причем этому, очевидно, должна была способствовать и нормативная база. С учетом изменений в жизни страны подобные изменения предусматривались и в университетской среде.

В перспективе, видимо, было не миновать пересмотра законодательной базы, доставшейся от дореволюционной эпохи, в отношении высшего образования, и, с учетом наметившихся в духовных академиях перемен, нормативные документы Синода должны были также создаваться с учетом менявшейся законодательной базы светского образования. Такое неустойчивое положение, обозначившееся с марта 1917 г., сделало систему духовного образования уязвимой, в контексте еще и острого политического противостояния и фактического двоевластия в столице. Участие временного правительства в подготовке Поместного Собора давало надежду на то, что будущая политическая элита страны позволит системе духовного образования сохраниться на началах, которые будут определены Церковью самостоятельно, хотя тревожные предпосылки секуляризации образования волновали церковное сообщество [Фирсов, 2002, 519–521, Шкаровский, 2015, 198–199].

Переворот 25 октября обострил ситуацию, предопределив новые повороты в жизни духовных школ и сделав неясной перспективу их преобразований. «Перед Академией категорически поставлен вопрос о дальнейшем ее существовании, или, по крайней мере, о формах этого существования, и в этом своем тяжелом положении, когда роковой вопрос стоит еще открытым, Академия вынуждена обосновывать даже право на свое существование...» — писали авторы проекта отчета о деятельности Петроградской духовной академии за 1917 г. [Карпук, Бабак, 2018, 126]. Уже было очевидно, что Духовную академию ждут куда более кардинальные перемены, чем даже те, которые были предусмотрены на съезде делегатов духовных академий в мае 1917 г.

Первые предпосылки существенных изменений начались с появлением первых законодательных актов советской власти в отношении образования и Церкви. 11 декабря 1917 г., больше чем за месяц до разработки и издания декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, все учебные заведения духовного ведомства, а затем и остальные государственные и негосударственные учебные заведения

страны, в том числе придворно-духовные¹, ведомственные², общественные и частные (кроме специальных учебных заведений для взрослых, преследовавших «исключительно технические цели»)³, перешли в подчинение еще не созданному Народному комиссариату просвещения, а точнее — Государственному комитету по народному образованию (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 129) [Андреев, 2019, 159–160; Соколов, 2015, 506–511]. Фактически это распоряжение означало отстранение Церкви от управления собственными учебными заведениями. В нем доводилась до логического завершения реализация распоряжения еще Временного правительства от 20 июня 1917 г. [Фирсов, 2002, 521]. Окончательный запрет на религиозное образование, правда, прописанный слишком схематично, чтобы не создать лазеек, был реализован в декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», обнародованном 23 января 1918 г. (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 286–287). Хотя в годы Гражданской войны на территориях, которые не подчинились большевикам, было возможно вернуть духовные школы к жизни, в столице — Петрограде — никаких надежд обойти указанные правовые акты не было. Поскольку, согласно декрету, «все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 286–287), а согласно постановлению от 11 декабря 1917 и 14 января 1918 г. духовные учебные заведения перешли в ведение Наркомпроса «со штатами, ассигновками, движимыми и недвижимыми имуществами... капиталами и ценными бумагами» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 129), их функционирование оказалось невозможным [Шкаровский, 2015, 197–219]. Попытки игнорировать эти постановления (а заседавшие в Москве члены Поместного Собора, видимо, не вполне отдавали себе отчет в том, насколько серьезно была настроена советская власть в Петрограде⁴) или обойти (путем присоединения Петроградской духовной академии к университету на правах факультета) были обречены [Шкаровский, 2015, 206–216; Сорокин, 2005, 169–170]. Сам университет в последние два месяца 1917 и первый месяц 1918 г. пытался игнорировать власть большевиков, однако отсутствие связи с Совнаркомом и, следовательно, финансирования привело к вынужденному решению проблемы: после разгона Учредительного собрания, при всем нежелании иметь дело с большевиками, университету пришлось начать отношения с советским правительством [Кривоноженко, 2011, 260–263].

Однако постановления декабря-февраля не предусматривали национализацию негосударственных (частных) учебных заведений (это было сделано только

¹ Постановление Наркомата имуществ Республики от 14 января 1918 г. (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 386–387).

² Последние, согласно постановлению Наркомата просвещения от 23 (10) февраля 1918 г., перешли в ведение комиссариата «со всеми помещениями, имуществом и капиталами» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 386).

³ Декрет СНК от 5 июня 1918 г. (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 538).

⁴ Обсуждение весной и летом 1918 г. на Поместном Соборе нового Устава Духовных академий, работа студентов и переработка учебных программ представляются совершенно оторванными от реальности. Участники дискуссии даже не пытались учесть происходившие в стране в целом и в образовании в частности изменения, проводившиеся советской властью (см.: [Сухова, 2007а; 2007б]). В итоге их материалы не могли быть востребованы при создании Богословского института в Петрограде. Впрочем, члены Собора заняли несколько противоречивую позицию по вопросу признания правовых последствий законотворчества новой власти: с одной стороны, С. Н. Булгаков на Соборе заявил о невозможности полного отделения Церкви от государства вплоть до удаления «Церкви куда-то в пространство, вне истории и вне жизни», а с другой, было принято постановление, согласно которому приведение в жизнь декрета об отделении Церкви от государства чревато карами «вплоть до отлучения от Церкви» [Кашеваров, 2019, 181, 185]. Создание Положения об институте с учетом последствий действия этого декрета теоретически подводило его авторов под прещения со стороны высшей церковной власти.

в июньском декрете). Кроме того, п. 9 декрета об отделении Церкви от государства гласил, что «преподавание религиозных вероучений во всех... учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 286–287). Следовательно, теоретически, в соответствии с новым законодательством, можно было создать частное учебное заведение, в котором не преподавались бы общеобразовательные предметы и которое при этом было бы религиозным. Однако возможность создания такого учебного заведения или запрет на него, а также прояснение вопроса о его «церковности» оставались неясными.

Ситуация была прояснена после издания 24 августа 1918 г., в канун нового учебного года, постановления Народного комиссариата юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“ (Инструкция)». Ввиду его важности приведем основные его положения с комментарием (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 849–858).

«1. в) все общества, которые ограничивают круг своих сочленов исключительно лицами одного вероисповедания и, хотя бы под видом благотворительных, просветительных или иных целей, преследуют цели оказания непосредственной помощи и поддержки какому бы то ни было религиозному культу (в виде содержания служителей культа, каких-либо учреждений и т. п.)».

«3. Благотворительные, просветительные и иные им подобные общества, указанные в п. „в“ ст. 1, а равно те из них, которые хотя и не скрывают своих религиозных целей под видом благотворительности или просвещения и т. п., но расходуют денежные средства на религиозные цели, подлежат закрытию, причем имущество их передается Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов в соответствующие Комиссариаты или Отделы». — Речь шла об уточнении понятия «религиозного сообщества», чтобы не допустить, с одной стороны, того, чтобы Церковь смогла заниматься образовательно-просветительской деятельностью, а с другой, того, чтобы Церковь могла «спрятаться» за осуществление такой деятельности.

«33. Ввиду отделения школы от церкви преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений ни в коем случае не может быть допущено в государственных, общественных и частных учебных заведениях, за исключением специальных богословских». — Именно этот пункт по-настоящему отделял школу от Церкви, оформляя отмеченную выше лауну в новый подвид — «специальных богословских» учебных заведений. Учитывая п. 3, эти учебные заведения должны были быть оторваны от храмов и богослужбной деятельности.

«35. Здания духовных учебных заведений всех вероисповеданий, а также церковно-приходских школ, как народное достояние, переходят в распоряжение местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов или Народного Комиссариата Просвещения.

Примечание. В арендное или иное пользование эти здания могут быть Советами Рабочих и Крестьянских депутатов предоставлены для специальных учебных заведений всех вероисповеданий лишь на общих для всех граждан основаниях и с ведома Народного Комиссариата Просвещения». — В этом пункте более определенно обговаривался вопрос о неизбежности демонтажа старой, дореволюционной системы духовного образования, чтобы затруднить создание новой системы или даже создать на базе бывшей духовной академии новое учебное заведение, ведь местный Совет едва ли согласился бы отдать под специальный богословский институт здание бывшей духовной академии. Речь могла идти, скорее, о долгосрочной аренде у государства (после национализации церковного имущества) своего же помещения, но более скромного по размерам. Оставался неразрешенным только один вопрос: имело ли право «специальное богословское» учебное заведение пользоваться правом юридического лица, коль скоро оно не могло быть сведено к понятию «религиозного общества».

В конце 1917-го — 1918 г. Совет народных комиссаров, Народный комиссариат просвещения и некоторые другие ведомства выпустили несколько десятков постановлений, касавшихся преобразования средней и высшей школы. Эти новые постановления нужно было учесть, когда осенью 1918 г. решался вопрос о создании

Богословско-пастырского училища, а затем, несколько позже, Богословского института [Александрова-Чукова, 2019, 264; см. также: Костромин, 2021, 189–190]. Работа над созданием главного учредительного документа — Положения о богословском институте в Петрограде (далее — Положение) — шла с апреля по декабрь 1919 г. Волна новых узаконений в области образования к концу 1919 г. уже спала, и можно было разрабатывать Положение с учетом обнародованных требований новой государственной власти. С 26 июня 1918 г. в обычном режиме работали органы управления народным образованием на местах (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 621–625), подчиняться которым были обязаны все существовавшие и вновь учреждавшиеся учебные заведения. Работа над Положением о богословском институте в Петрограде была завершена И. П. Щербовым и прот. Н. К. Чуковым к 1 декабря 1919 г., оно было утверждено 17 декабря 1919 г. Святейшим Патриархом Тихоном, Священным Синодом и Высшим Церковным Советом [Александрова-Чукова, 2019, 264–265]. Далее было необходимо зарегистрировать Положение в Наркомате просвещения, что и было сделано 16 сентября 1919 г. [Александрова-Чукова, 2020, 256]. Подробный контент-анализ этого Положения, сравнение его с дореволюционным Уставом духовных академий, с учетом требований к учебному процессу со стороны новой власти, составляют основу данной статьи⁵.

Даже первые два параграфа Положения⁶, в которых были сформулированы задача и «круг деятельности» института, демонстрируют определенную зависимость как от общего состояния отношений Церкви и государства, так и от тех декретов и распоряжений, которые большевистские органы власти успели к этому времени выпустить. В них особо отмечается, что создаваемое учебное заведение — церковное, богословское, узкоспециализированное, т. е. соответствующее Инструкции Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“».

При этом в §1 (а также в §4 и 37) Положения подчеркивалось, что «радиус действия» института ограничивался территорией Петроградской епархии. Значило ли это, что в соседних Псковской, Новгородской, Тверской и Олонецкой губерниях (речь не идет о всей территории России) предполагалось создавать свои богословские институты? Это было невозможно (причем не столько из-за потенциального противодействия властей, сколько из-за отсутствия потенциальной профессуры и, в общем-то, необходимости как таковой), и авторы Положения это прекрасно понимали⁷. Однако не оговорить региональный статус института значило придать ему общецерковный или общероссийский статус, что сделало бы его «непроходным» при попытке регистрации в Наркомпросе. Иными словами, территориальное ограничение, указанное в §1, было вынужденным, а не естественным. Зато в §2 удалось отразить давнюю декларируемую идею, что богословский институт, как его предшественник — Духовная академия, совмещает в себе учебное заведение и научно-общественный центр [Сухова, 2006, 61–62].

В §3 авторы Положения смело описали апологетическо-миссионерскую (в постимперскую эпоху ее можно было также назвать просветительской) роль института и его связь с малыми формами просветительских религиозных объединений — кружками, курсами, библиотеками, музеями, кабинетами, братствами. Трудно сказать, на что рассчитывали авторы этого документа, когда детально прописывали все эти

⁵ Положение представляло собой не единственный нормативный документ, регламентирующий деятельность подразделений и должностных лиц института, — в Положении упоминаются «наказы» и «инструкция» (§17, 20, 25 Положения).

⁶ Здесь и далее текст Положения приводится по машинописной копии, хранящейся в Архиве Санкт-Петербургской епархии, любезно предоставленной автору Л. К. Александровой-Чуковой, за что с удовольствием выражаю ей глубокую благодарность. Положение было частично опубликовано в книге: [Сорокин, 2005, 208–209].

⁷ О всероссийском значении института и особом значении его для Северо-Запада писал в докладной записке И. П. Щербов [Шкаровский, 2015, 261].

виды объединений и формы их деятельности. Пытались ли они продемонстрировать властям, что институт в своей деятельности не одинок? Или хотели показать, что им есть что противопоставить разворачивавшейся атеистической пропаганде? Или старались подчеркнуть сугубо церковный характер деятельности всего, что будет связано с институтом? Однозначного ответа на эти вопросы нет. Уверенно можно говорить об одном — митр. Вениамин, прот. Василий Акимов, прот. Николай Чуков, И. П. Щербов и их соратники в Петрограде пытались создать систему церковного просвещения и образования, которая была бы пронизана взаимосвязывающими нитями [Александрова-Чукова, 2020, 254].

§4 и 5 Положения посвящены роли Святейшего Патриарха в жизнедеятельности института. Фактически то, что было прописано в Положении достаточно многословно, но ясно и четко, означало, что региональный богословский институт мыслился ставропигиальным и поэтому должен был иметь особый статус среди всех учреждений Российской Православной Церкви. Если вспомнить, что декретом о земле, а затем — приведенными выше декретами и положениями фактически все институции ставропигиального характера были либо закрыты, а имущество перешло в казну, либо реформатированы в региональные (через подчинение местным советам и представительствам соответствующих наркоматов), ставропигиальный характер института подчеркивал его исключительность в Церкви в целом. При этом в Положении можно видеть обрисованную вертикаль руководителей института, имевшую многоступенчатый характер: над Советом и Правлением института оказывались Петроградский митрополит и Всероссийский Патриарх, своим активным участием в жизни института (в соответствии с Положением) прикрывавшие своим авторитетом его ректора, правление, профессию и студентов. При этом в Положении отсутствовали «ведомственные» институции: Наркомпрос в нем не упоминался потому, что институт был негосударственным, а в то же время обойти распоряжения, инструкции и контроль со стороны наркомата было невозможно. Не упоминался также и какой-либо орган, который мог бы заменить прежний синодальный Учебный комитет. Казалось бы, здесь дублировалась норма Устава православных духовных академий 1884 г. (далее — Устав), на смену которому пришло Положение о богословском институте, где в §2 говорилось об отношении академии к Святейшему Синоду и епархиальному преосвященному, однако характер этих отношений в Положении выражен совершенно иначе: если Патриарх прямо заменил собой Синод, в «ведении» которого институт состоял, как академии были в «главном заведывании» Синода, то митрополит должен был осуществлять «руководство», в то время как до революции правящий архиерей осуществлял «начальственное попечение»⁸. А вот при сравнении роли епархиального преосвященного в Уставе 1884 г. и роли Патриарха в Положении картина иная — они почти тождественны: архиерей до 1917 г. осуществлял «начальственное наблюдение» за академией (§11 Устава), а после 1920 г. Патриарх осуществляет «высшее наблюдение» за институтом (§5 Положения).

Таким образом, текущая жизнь института оказывалась, исходя из §6 Положения, под личным контролем и даже отчасти прямым управлением митрополита. Так, именно он представлял Патриарху кандидатуры ректора и проректора, утверждал избрание и увольнял профессоров и преподавателей, предоставлял отпуск и утверждал решения Совета и Правления. В чем был смысл и цель такой сильной зависимости института от правящего архиерея? Только ли в том, чтобы выстроить наиболее действенную короткую модель властной вертикали? Едва ли. Также представляется убедительной мысль, что институт должен был основываться на личном авторитете митр. Вениамина, избранного духовенством и мирянами Петроградской епархии себе в правящие архиереи. Ответ нужно видеть в последней фразе этого параграфа: «охраняет права и достоинство Богословского института». Уже к 1919 г. становилось ясно, что служение митрополита будет главным направлением удара властей по Церкви. Именно

⁸ Благодарю Д. А. Карпука за консультацию по данному вопросу.

ему предстоит защищать ее от всех нападков властей. И поэтому было лучше настолько подчинить институт митрополиту, чтобы он хорошо знал, что (и кого) он защищает, и чтобы он мог лучше подготовиться к отражению большевистской агрессии.

Весьма острый и болезненный вопрос финансирования деятельности института изложен в §7–10 Положения. Предложенный механизм был достаточно прост: основная доля финансовой нагрузки ложится на Епархиальное собрание, которое выделяет (пропорционально) четырех представителей для контроля за финансовой деятельностью; приходские общины Петрограда (объединенные к этому времени в Общество православных приходов Петрограда и его губернии), выделявшие двух представителей, а также на традиционные кружечные и тарелочные сборы и пожертвования. Сбирать деньги за обучение с учащихся было запрещено декретом Совнаркома еще в августе 1918 г. в распоряжении «О правилах приема в высшие учебные заведения» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 770), поэтому в §35 было декларировано отсутствие платы за обучение, а в §7–10 был прописан детальный план финансирования института.

В §11 Положения был приведен перечень должностных лиц института: «ректор, проректор, профессора и преподаватели, секретарь, врач, библиотекарь, казначей и заведывающий хозяйством». На нем нужно остановиться более детально. В целом перечень традиционен (ср. §4 Устава), кроме одного: должность инспектора была заменена должностью проректора и убраны помощники инспектора. Должность инспектора было решено заменить должностью проректора, поскольку приказом Народного комиссариата по просвещению 21 января 1918 г. эта должность была упразднена в средних учебных заведениях (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 280). Расширительное толкование данного распоряжения могло помешать регистрации Богословского института. Видимо, поэтому и в наши дни считается, что должность инспектора была ликвидирована постановлением Наркомпроса от 11 ноября 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Наркомпроса», хотя в тексте декрета об этом речь не идет [Дьячкова]. Если раньше инспектор в основном осуществлял «попечение о нравственности и благоприличии студентов» (§34 Устава), то теперь проректор просто «разделял труды ректора по всем частям управления и замещал его в нужных случаях» (§23 Положения).

Предполагалось, что ректором станет кто-то из числа наиболее известных клириков Петроградской епархии (первоначально планировалось, что ректором станет архим. Николай (Ярушевич), но он взял самоотвод; ректором стал прот. Николай Чуков), у которого не будет времени полностью посвящать себя работе в институте, так что должность проректора была вынужденной мерой. Срок полномочий ректора, проректора, профессоров и преподавателей составлял 3 года (§21, 24), хотя советское законодательство установило максимальный срок в 10 лет до новых выборов как руководителей, так и преподавателей (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 999–1000). Должность декана учреждать не стали — по сути, она была не нужна, и к тому же она не была более или менее внятно описана в законодательстве большевиков⁹.

Обращает также на себя внимание и то обстоятельство, что преподавательский штат института не делился на традиционные для духовной академии должности заслуженных, ординарных и экстраординарных профессоров, доцентов и лекторов, а только на профессоров и преподавателей (ср. §44 Устава и §24–25 Положения). Это также объясняется требованиями советской власти. В Декрете Совнаркома от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики» говорилось, что «разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров — заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов отменяется. Все лица, самостоятельно ведущие преподавание в высших учебных заведениях,

⁹ Постановление Народного комиссариата просвещения «О Всероссийских конкурсах по замещению кафедр в высших учебных заведениях (Положение)» от 31.10.1918 (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 1102–1103).

носят единое звание профессора», а «приват-доцентам, не удовлетворяющим требованиям ст. 3-й настоящего декрета, равно как и лаборантам, ассистентам, прозекторам и другим лицам преподавательского состава, ведущим, хотя бы и под руководством профессоров, занятия в высшей школе, присваивается общее звание преподавателей с зачислением их в штат преподавателей соответственного учебного заведения» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 999–1000). Интересно, что фраза из Положения «профессора и преподаватели... избираются... из лиц православного исповедания, известных своею ученою, учебною и церковно-общественной деятельностью» (§24) почти дословно копирует формулировку того же декрета об избрании по всероссийскому конкурсу на занятие профессорской кафедры: избранными могли быть лица, «известные своими учеными трудами или иными работами по своей специальности, либо своей научно-педагогической деятельностью» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 999–1000). Таким образом, и здесь принципы, прописанные для государственных высших учебных заведений, были скопированы в предполагаемом к открытию богословском институте.

Очевидно, этим же декретом объясняется то, что выпускники не защищали магистерских и докторских диссертаций (что было прописано в Уставе 1884 г.: §8, 136–137, 141–143). П. 1 декрета гласил: «ученые степени доктора, магистра, а также звание адъюнкта и все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества отменяются». Поскольку в декрете запрет на степень кандидата отсутствовал, в 1923 г. двум выпускникам за представленные курсовые сочинения были присвоены степени кандидата богословия [Александрова-Чукова, 2019, 270]¹⁰. Только 1926 г. на Высших богословских курсах прот. Николай Чуков, а в 1927 — прот. В. Рыбаков и прот. Н. Чепурин будут удостоены ученой степени магистра [Бовкало, 2005, 109]. Это будет смелое решение, шедшее вразрез с государственной политикой — ученые степени в СССР будут учреждены только в 1932 г. На момент же написания Положения было неясно, как будет реагировать на такие шаги государственная власть, и потому возможность защит каких-либо квалификационных работ в Положении прописана не была, но было обтекаемо сказано (§38): «наиболее даровитые из окончивших курс, способные к ученой работе... могут быть оставляемы при институте для дальнейшего усовершенствования». Впрочем, присуждение степени магистра прот. Николаю Чукову коррелировало, как это ни странно, с Уставом Петроградского богословского института от 23 августа 1923 г. — института, созданного обновленческим Учебным комитетом при Священном Синоде, в §5 которого говорилось, что «удовлетворительно выполнившим богословские научные работы представляются ученые звания Магистра и Доктора Богословия» [Сорокин, 2005, 310], тем более что в Положении о Высших богословских курсах в г. Ленинграде ничего о возможности присуждения ученых степеней не говорилось.

Управленческие коллегиальные структуры — Совет института и Правление института (§12–20 Положения) — в целом были скопированы с дореволюционного Устава, поскольку никаких постановлений властей по этому поводу не имелось, кроме одного — обязательного участия в заседаниях Совета представителей студентов (это предусмотрено Положением в §1). Разумеется, дореволюционным уставом участие студентов в управлении академиями не предусматривалось (§79 Устава), а студенческое самоуправление в университетах в первые полтора десятилетия XX в. касалось только создания студенческих советов, исполкомов и кружков [Петрова, 2010, 17–20]. Однако советская власть постаралась не допустить бесконтрольной деятельности студенческих организаций, предпочтя интеграцию студенчества в Советы высших учебных заведений [Овчинников, 2007, 16]. На это было направлено постановление Народного комиссариата по просвещению «О роспуске студенческих старостатов

¹⁰ Утверждение прот. В. Сорокина, что Богословскому институту Высшим церковным советом было даровано право присваивать ученые степени кандидата богословия, оказываются голословными, поскольку никаких ссылок он не приводит, в то время как в Положении ни о каких ученых степенях речи не идет (ср. [Мазырин, Сухова, 2009, 102–103]).

всех Высших Учебных Заведений», принятое в июле 1919 г. (Собрание узаконений за 1919 г., 526). Согласно постановлению, «Временно, впредь до реконструкции всех органов, регулирующих различные стороны жизни Высшей Школы, представительство в коллективах (в количестве $\frac{1}{3}$ имеющихся членов) и непосредственно в президиумах таковых (в количестве $\frac{1}{2}$ имеющихся в них членов): Советах Университета и Факультетов, Правлениях, Хозяйственных Комитетах, Книжных Бюро, Комиссиях по Социальному Обеспечению и т. д. предоставляется студенческим группам Российской Коммунистической Партии и других партий, стоящих за Советскую Власть, выдвигающим соответствующих кандидатов, утверждаемых Отделом Высших Учебных Заведений Народного Комиссариата Просвещения». Полностью соблюсти эту букву закона в богословском институте было невозможно прежде всего потому, что студенты-большевики не шли учиться в это учебное заведение, но не предоставить студентам места в Совете института уже было невозможно. Еще одно важное дополнение, появившееся в Положении по сравнению с Уставом, — в Совете института должны были участвовать все викарные архиереи митрополии, а также представители епархий и приходских общин Петрограда, чего ранее не было (§14-15 Положения). При этом Совет и Правление института оказались куда более самостоятельны в принятии решений, чем Совет и Правление дореволюционной академии (ср. §19 Положения и §79–98 Устава).

Отдельного комментария заслуживает перечень изучаемых в институте предметов, представленный в §28 Положения. Прежде чем приступить к анализу его содержания, следует обратить внимание на то, что говорил об этом непосредственный участник создания Положения прот. Николай Чуков, в момент произнесения цитируемых слов — уже митр. Григорий:

«В основу учебного плана была положена система образования б. Духовных Академий, полностью введены преподававшиеся там богословские, философские и церковно-исторические предметы и, кроме того, введены новые — сравнительно с прежним академическим курсом — предметы: **история религии** (ранее входившая как особый отдел в Основное Богословие), **религиозная метафизика**, заменившая начальные основания философии, **агиология**, долженствовавшая ознакомить студентов с житиями святых и другими памятниками, конкретно изображающими разнообразные подвиги людей веры; **христианская мистика**, знакомившая с природою, духом истинной мистики в отличие от нехристианской (буддийской, теософской) и неправославной (патологической, протестантской), **христианское обществоведение**, которое должно было ознакомить с церковным взглядом на социальные вопросы и явления, **христианская педагогика**, знакомящая со свойствами человеческого духа в его падшем и возрожденном состоянии, в частности, с психологией детской души и благодатными средствами воздействия на нее, **христианское искусство**, знакомящее с церковной живописью, архитектурою и поэзией в целях религиозно-эстетического развития учащихся, **история русского религиозного самосознания**, знакомящая с общим ходом и направлением умственных исканий русского общества в области религиозно-нравственной, с указанием самобытных особенностей подобных исканий» (Григорий Чуков, 1946, 9–10).

При знакомстве с этим свидетельством может сложиться впечатление, что советская власть в тот момент никак не вмешивалась в собственно образовательный процесс и не имела никаких претензий к содержанию преподаваемых предметов, что позволило не только сохранить, но даже преумножить наследие дореволюционной высшей духовной школы. Но это не так.

Отметив, что перечень предметов, традиционных для дореволюционных духовных академий, пополнен рядом новых дисциплин, митр. Григорий кратко охарактеризовал их содержание. При внимательном рассмотрении перечня предметов становится очевидно, что как таковых новых дисциплин появилось мало — только «христианская мистика», «агиология», «христианская апологетика» и, отчасти, «христианское обществоведение». Остальные т. н. «новые» предметы отличались прежде

всего только новыми, «воцерковленными» формулировками в названиях, чтобы служащие Наркомпроса не сочли их предметами общеобразовательного цикла, преподавать которые в богословских учебных заведениях запрещалось (именно так трактовался §33 инструкции «О порядке проведения в жизнь декрета „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“»). Так, религиозная метафизика заменила собой метафизику, история религий и сравнительное богословие — историю и разбор западных исповеданий (а также предметы, изучавшиеся ранее в Казанской духовной академии — разбор и обличение магометанства и ламаизма (§103 Устава), поскольку с 1919 г. Казанская академия работала полуполюгально и почти обезлюдела, а попытка создать богословский институт в 1921 г. фактически не удалась [Журавский, Липаков, 2012, 132]), христианская педагогика — педагогику, история русского религиозного самосознания — историю философии, христианское искусство — церковную археологию (ср. §28 Положения и §100–101 Устава). Это было одним из первых примеров применения «эзопова языка», который войдет в широкое употребление в советские годы несколько позднее.

Нельзя сказать, что предмет «христианское обществоведение» был принципиально новым. Очевидно, что студентам был необходим предмет, в рамках которого они могли бы научиться ориентироваться как в усложнявшейся жизни церковного организма, так и в церковно-государственных отношениях. Однако у введения данной дисциплины было и прозаическое основание. В 1919 г. большевики преобразовали университеты, сохранив в них только два факультета — общественных наук и физико-математический¹¹, позднее, в первой половине 1920-х, уроки истории в средней школе также заменили уроком обществоведения [Некрылова, 2019, 107–113; Некрылова, Аверкиева, Догадина, 2021, 101–105]. Кроме того, это была возможность ответить большевикам, превращавшим историю в орудие своей социально-политической пропаганды, преподавать антимарксизм в христианском вузе. Ну и, наконец, введение такого предмета можно рассматривать как сигнал Наркомпросу, что институт движется в русле нововведений и учитывает пожелания советской власти.

Обращает на себя внимание и особенность преподавания языков: к числу обязательных отнесли церковнославянский и греческий, а латынь, еврейский и новые языки — к числу факультативных. В Уставе 1884 г. еврейский язык в связке с библейской археологией и церковнославянский с палеографией, русским языком и литературой шли как обязательные в одном из блоков на выбор. Нужно было выбрать также один из древних и один из новых языков — латынь и греческий языки были «равны» в глазах студентов. Такое решение в отношении латыни также определялось особенностями советского законодательства. Категоричное постановление Наркомата просвещения от 31 мая 1918 г. гласило: «Обязательное изучение латинского языка в общеобразовательной средней школе (во всех классах гимназий), бывших семинариях и духовных училищах — отменяется» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 530).

В целом предметная сетка претерпела весьма значительные изменения не только в сравнении с Уставом 1884 г., в котором перечень предметов носил рамочный характер, с правом академий вносить дополнительные предметы в программу дисциплин с разрешения Синода (§104 Устава), но и с практикой предреволюционных лет. Например, в аттестате свят. Мардария (Ускоковича) (ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 3. Д. 82. Л. 1–2) вместо «введения в круг богословских наук» значилось «основное богословие», полностью выпавшее из программы института, исчезло упоминание аскетики в курсе пастырского богословия, полностью ушли «история греко-восточной Церкви со времени оглаждения западной церкви от вселенской до настоящего времени» и «история славянских церквей»; по естественным причинам, как общеобразовательные дисциплины, были выведены логика и систематическая философия. Названия некоторых предметов были заменены без видимых причин на аналогичные. Было

¹¹ Постановление Народного комиссариата просвещения «О преобразовании Петроградских высших учебных заведений» (Собрание узаконений за 1919 г., 600).

введено церковное пение, которое ранее изучали только в рамках семинарского курса. Была обговорена и возможность «по мере надобности» вводить новые общеобразовательные или факультативные предметы, которые, в отличие от Устава 1884 г., ни с кем согласовать было уже не нужно (ср. §29 Положения и §104 Устава).

Последний блок статей Положения касается студентов. Этот блок был, наверное, самым трудным для составителей документа, поскольку именно студентам как будущему «страны Советов» правительство уделяло особое внимание. Только за полгода — с мая по ноябрь 1918 г. — Народный комиссариат просвещения издал по вопросам, связанным со студенчеством, шесть постановлений общероссийского значения. Правила приема в дореволюционную академию, прописанные в §108–115 Устава, а также и остальные положения, касавшиеся обучения студентов и статуса выпускников, практически невозможно было воспроизвести.

Согласно §31 Положения, в институт принимались «лица православного исповедания обоего пола, получившие среднее образование или обладающие соответствующими познаниями, не моложе 18 лет». Эта формулировка требует подробного разбора. Зачисление в институт людей «православного исповедания» затруднялась тем, что по декрету об отделении Церкви от государства идентификация граждан по вероисповедному признаку отменялась. Это означало, что, будучи вытесненным из официальной и государством признаваемой самоидентификации, вероисповедание становилось частным делом и могло только декларироваться на основании внутреннего убеждения. Гарантом могла выступить только приходская община или ее настоятель, но в Положении нет механизма, который позволял бы выяснить такую связь абитуриента с приходом (если только такой механизм не существовал негласно). Зачисление лиц обоего пола, часто объясняемое в историографии тем, что институт собирался, помимо подготовки будущих пастырей, «давать возможность некоторого религиозного просвещения мирянам; был открыт прием и для женщин (для обучения преподаванию Закона Божия)» [Александрова-Чукова, 2019, 264], объясняется вовсе не этим, а столь же категоричным постановлением Наркомата просвещения «О введении обязательного совместного обучения» от 31 мая 1918 г.:

«§ 1. Во всех учебных заведениях вводится совместное обучение учащихся обоего пола. Примечание. В наименовании всех учебных заведений, всех ступеней и типов, включая высшую школу, опускаются слова мужской и женский. § 2. С момента опубликования настоящего постановления все учебные заведения принимают на свободные вакансии учащихся обоего пола на равных основаниях. § 3. В целях более последовательного осуществления принципа совместного обучения прием новых учащихся производится следующим образом: мужские учебные заведения принимают на свободные вакансии в первые четыре класса преимущественно учащихся женского пола; женские учебные заведения соответственно принимают в те же классы преимущественно учащихся мужского пола с тем расчетом, чтобы количество учащихся обоего пола по классам было возможно более равномерно» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 530). Усилить действие постановления был призван декрет Совнаркома «О правилах приема в высшие учебные заведения», который был принят 2 августа 1918 г. В нем говорилось, что «вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения» может «каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16-ти лет». Для придания особой убедительности в декрете были добавлены два уточнения: запрет и санкция — «Воспрещается требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения об их личности и возрасте»; «за нарушение указанного постановления [Наркомпроса от 31.05.1918] все ответственные лица подлежат суду Революционного Трибунала» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 770).

Наконец, обтекаемая фраза, что поступать могут «получившие среднее образование или обладающие соответствующими познаниями, не моложе 18 лет», определена тем же декретом. Не столь категорично, как требование совместного обучения мужчин и женщин, там было сказано, что каждый «может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата

или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 770). По этой же причине пришлось вписать и примечание, согласно которому в институт можно поступить и вольнослушателем.

Следует обратить внимание и на то, что, в отличие от дореволюционных духовных академий (§111–112 Устава), для поступления в институт не требовалось сдавать вступительных испытаний, служивших фильтром для отсеивания слабых студентов. Этот вопрос обойден в Положении молчанием. Причина этого также кроется в особенностях раннесоветского законодательства об образовании. В том же декрете говорится, что «произведенный на основании аттестатов или же конкурсных экзаменов прием в число студентов первого курса на предстоящий 1918/19 г. объявляется недействительным» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 770)¹². Однако наплыв абитуриентов в высшие учебные заведения в августе–сентябре 1918 г. оказался столь огромным (образование стало бесплатным и абсолютно общедоступным), что властям пришлось разруливать эти потоки, вводя обучение в три смены (в случае, если обучение можно наладить в одну смену, вуз обязывался начинать образовательный процесс в 17 часов), чтобы обеспечить получение образования всеми желающими¹³. Кроме того, среди уже поступивших вынуждены были проверить знания, так как многие оказались просто неспособны обучаться в высшем учебном заведении (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 980, п. 4–7). Из-за неразберихи с поступлением абитуриентов в 1918 г. пришлось сдвигать начало учебного года на 1 октября (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 980, п. 1), а потом продлевать прием абитуриентов до 1 января 1919 г.¹⁴ Поэтому в Положении об институте на всякий случай не стали прописывать сроки проведения учебного года, как в Уставе 1884 г. (§117 Устава).

Хаос, царивший в приемной кампании 1918 г., продолжался почти полгода. В ходе судорожных попыток, с одной стороны, сдерживать свои обещания по доступности высшего образования и, с другой стороны, обуздать поток желающих посещать высшие учебные заведения, Наркомпрос издал еще одно распоряжение, отменявшее какие бы то ни было переводные испытания и экзамены: «1. Всякого рода испытания, установленные для студентов первого семестра высших учебных заведений предварительно допущения их к практическим занятиям, отменяются. 2. Условия и порядок допущения студентов всех вообще семестров к практическим занятиям, а равно и способы наиболее рационального использования лабораторий вырабатываются студенческими старостами» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 1144). Пойти на полную ликвидацию контроля за учебным процессом и тем более на то, чтобы отдать его в руки пусть и православных, но самих учащихся, создатели института не смогли. П. 2 этого распоряжения Народного комиссариата просвещения было проигнорировано создателями Положения. Единственное, на что они решились, чтобы не спровоцировать власти, это на завуалированное упоминание испытаний — зачетов — в ряду «практических занятий» (§33): слова «испытание», «экзамен» и им подобные в Положении не упоминаются.

Еще одно противоречивое требование властей также было учтено, насколько это было возможно: «дипломы и свидетельства, дающие какие-либо права и преимущества, упраздняются», «сессии государственных и полукурсовых испытаний, а также различного рода испытательные комиссии, наделенные определенными функциями

¹² Это распоряжение уже было учтено летом 1918 г. при попытке сохранить Петроградскую духовную академию, набор в которую был объявлен без вступительных экзаменов, в нарушение ее Устава [Карпук, 2018, 148].

¹³ Постановление Народного комиссариата просвещения «Об условиях приема учащихся в высшие учебные заведения в 1918–1919 учебном году» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 980); Постановление Народного комиссариата просвещения «О прохождении курсов и практических занятий в высших учебных заведениях» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 1016).

¹⁴ Постановление Народного комиссариата просвещения «О порядке допущения студентов Высших Учебных Заведений к практическим занятиям и о продлении срока подачи прошений для зачисления в студенты» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг., 1144)

и правами, отменяются. Всякий экзамен в высшем учебном заведении является лишь способом проверки усвоения студентом того или иного предмета и никакого другого значения не имеет»¹⁵. Это постановление заставило авторов Положения обйти вопросы о переводе с курса на курс, а также упоминать о том, что прохождение обучения дает право на рукоположение в священнический сан. Однако отказаться от выдачи диплома руководители не смогли (хотя в Уставе 1884 г. не говорится о выдаче диплома и вопросы перевода с курса на курс также сформулированы так, что могли быть использованы при составлении Положения, авторы последнего предпочли более лаконичные формулировки, чтобы избежать двусмысленности при знакомстве с Положением работников Наркомпроса). Чтобы не возникло подозрения, что выдача диплома дает какие-то права выпускникам (хотя так вопрос не был поставлен и в Уставе 1884 г.), в Положении было прописано, что «по окончании Богословского института студенты получают дипломы и тем нравственно обязываются свою последующую деятельность и жизнь посвятить на служение Православной Церкви» (§36 Положения), и максимально отвлеченно говорилось о том, что «окончившие Богословский институт являются ближайшими кандидатами на пастырскую или другую ответственную церковно-просветительную деятельность» (§37 Положения).

Представленный анализ положения дел в конце 1910-х гг. и сравнительный анализ Положения 1920 г. о Богословском институте в Петрограде с Уставом православных духовных академий 1884 г., с одной стороны, и с раннесоветским законодательством в отношении религии и просвещения, с другой стороны, показал, что организаторы высшего богословского образования понимали неизбежность признания новых законодательных актов большевиков. С самого начала работы над Положением, еще в начале 1919 г., они были вынуждены признать, что условия жизнедеятельности Церкви и функционирования образовательных учреждений изменились, несмотря на позицию участников Поместного Собора и даже постановление Собора, согласно которому под церковные прещения попадали те, кто признавал законодательные акты большевиков в отношении религии и Церкви. Создатели Богословского института, как могли, учли традицию дореволюционной духовной школы, однако изменившиеся обстоятельства (прежде всего — то, что происходило в стране в течение всего 1917 г.) и правовое поле — декреты, постановления и распоряжения большевиков — заставили принципиально пересмотреть принципы организации планируемого богословского института. В большинстве параграфов Положения о богословском институте в Петрограде видно влияние раннесоветского законодательства, причем касавшегося не только церковно-государственных отношений, но и законодательных актов, касавшихся организации высшего образования, порой напрямую богословского института не касавшихся. Составители Положения постарались максимально учесть пожелания советской власти, чтобы облегчить регистрацию института в Народном комиссариате просвещения, но при этом используя все лазейки законодательства, чтобы сохранить хотя бы какие-то традиции богословского образования (наиболее характерны изменения в наименовании преподававшихся дисциплин и в возможности защищать кандидатские диссертации, напрямую не запрещенные законодательством и, на всякий случай, не упомянутые в Положении об институте). Учитывая тенденцию к укрупнению форм и неустойчивость новых законодательных инициатив, авторы Положения могли надеяться, что институт, в отличие от духовной академии, легче инкорпорировать в состав Петроградского университета, если нависнет угроза его существованию¹⁶. Конечно, начавшиеся притеснения Церкви, пока еще не вылившиеся

¹⁵ Постановление Народного комиссариата просвещения «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях» (Собрание узаконений за 1917–1918 гг. 1179).

¹⁶ Как известно, попытка спасти Духовную академию от закрытия путем именно присоединения Академии к университету окончилась безуспешно. Однако характерно, что первым этапом такого присоединения должно было стать преобразование Академии именно в религиозно-философский институт [Карпук, 2019, 128–132].

в организованные гонения, не оставляли места для обоснованных надежд, и авторы Положения не знали о разработке нового устава Университета (поскольку он готовился не университетской профессурой, а Наркомпросом), который будет принят в 1921 г. и принятие которого окончательно закроет путь к возможному присоединению института к университету. Также при составлении Положения его авторы не могли предвосхитить те законодательные акты, которые будут изданы в течение 1920 г. и также весьма заметно скажутся на деятельности института (в частности, помешают реализации плана И. П. Щербова получить библиотеку бывшей духовной семинарии, поскольку целым рядом постановлений книжное наследие будет национализировано и все формы доступа к нему начнут строго контролироваться Наркоматом просвещения, хотя для пользования институтом она была временно предоставлена «на хранение»). Однако и сама идея организовать богословский институт, и то, как она была реализована, вызывают восхищение своей смелостью, оригинальностью решения и юридической грамотностью. Хотя институт не просуществовал долго, он стал важной вехой в истории духовного образования в России, а также ярким примером выживания церковного организма в крайне тяжелых, постоянно меняющихся и непредсказуемых условиях раннесоветского государства. В будущем, после Великой Отечественной войны, именно этот опыт создания адаптированного под советские реалии института митр. Григорий (Чуков) использует для воссоздания Ленинградских духовных академии и семинарии.

Источники и литература

Источники

1. Григорий Чуков (1946) — *Григорий (Чуков), митр.* Речь на открытии Ленинградской духовной академии и семинарии. Торжество открытия Ленинградской духовной академии и семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 10. С. 9–10.
2. Положение — Положение о богословском институте в Петрограде. Утверждено Святейшим Патриархом Тихоном, 1920 // Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 3. Оп. 3а. Ед. хр. 7.
3. Собрание узаконений за 1917–1918 гг. — Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942.
4. Собрание узаконений за 1919 г. — Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.
5. Устав — Устав и штаты православных духовных академий, высочайше утвержденные 20-го апреля 1884 г. СПб., 1884.
6. ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 277. Оп. 3. Д. 82. Л. 1.

Литература

7. Александрова-Чукова (2019) — *Александрова-Чукова Л.К.* Петроградский богословский институт // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 56. С. 264–272.
8. Александрова-Чукова (2020) — *Александрова-Чукова Л.К.* Богословский институт в Петрограде (1920–1923 гг.) как первый этап на пути восстановления духовных школ в виде академий и семинарий // Вестник церковной истории. 2020. № 3/4 (59/60). С. 251–330.
9. Андреев (2019) — *Андреев М.А.* Министерство народного просвещения — Народный комиссариат по просвещению в 1917 г. // Государственность в России в 1917 г.: власть, общество, территория. М., 2019. С. 138–172.
10. Боквало (2005) — *Боквало А.А.* Высшие богословские курсы // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 109.

11. Дьячкова — Дьячкова М. П. Инспектор духовных учебных заведений // Международная военно-историческая ассоциация. URL: http://www.imha.ru/1144523710-inspektor-dukhovnykh-uchebnykh.html#.X6M3_eomzBU (дата обращения: 01.07.2021).
12. Журавский, Липаков (2012) — Журавский А. В., Липаков Е. В. Казанская Духовная Академия // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 29. С. 117–134.
13. Карпук, Бабак (2018) — Карпук Д. А., Бабак К. «Академия идет в глубь веков и черпает свои живительные силы в богословской науке древне-вселенской Церкви, с которой сохраняет постоянную и неразрывную связь» (из неопубликованного Отчета о состоянии Петроградской духовной академии за 1917 г.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 113–132. DOI: 10.24411/2587-8425-2018-10010
14. Карпук (2018) — Карпук Д. А. Императорская Петроградская Духовная Академия (ныне — Санкт-Петербургская Духовная Академия) // Вузы Петрограда в годы Первой мировой войны. Сер. «Вузы Санкт-Петербурга в истории России». СПб., 2018. С. 142–149.
15. Карпук (2019) — Карпук Д. А. «Стражи академического святилища». Петроградская Духовная Академия в 1918 году // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 121–136. DOI: 10.24411/2587-8425-2019-10004
16. Кашеваров (2019) — Кашеваров А. Н. Поместный собор 1917–1918 гг. и отношение Православной Церкви к советской власти и ее религиозной политике // Российская история. 2019. № 1. С. 179–190. DOI: 10.31857/S086956870004233-7
17. Костромин (2021) — Костромин К., прот. Проблема организации высшего церковного образования в первые годы советской власти в контексте формирования новой законодательной базы // Церковь. Богословие. История. Научный журнал. 2021. № 2 [Материалы IX Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2–9 февраля 2021 г.)]. С. 186–192.
18. Кривоноженко (2011) — Кривоноженко А. Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг.: от университета императорского к университету советскому // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 257–266.
19. Мазырин, Сухова (2009) — Мазырин А., свящ., Сухова Н. Ю. Научно-богословская аттестация в период гонений 1920–1930-х гг. и присвоение ученой степени доктора богословия митрополиту Сергию (Страгородскому) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2009. № 3 (32). С. 99–115.
20. Некрылова (2019) — Некрылова О. Г. Развитие системы школьного исторического образования в 1920-е гг. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 3 (20). С. 107–113.
21. Некрылова, Аверкиева, Догадина (2021) — Некрылова О. Г., Аверкиева А. А., Догадина Е. А. Реформирование содержания исторического образования как основы идейно-политического воспитания молодого поколения в советской школе 1920-х гг. // Современный ученый. 2021. № 1. С. 101–105.
22. Овчинников (2007) — Овчинников В. В. Студенческое самоуправление в России: социологический анализ. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2007.
23. Петрова (2010) — Петрова С. С. Социально-воспитательная деятельность студенческого самоуправления в вузах России в пореформенный период (1861–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2010.
24. Соколов (2015) — Соколов А. В. Государство и православная церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 годов. СПб.: Д. А. Р. К, 2015.
25. Сорокин (2005) — Сорокин В., прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005.
26. Сухова (2006) — Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. Вторая половина XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.
27. Сухова (2007а) — Сухова Н. Ю. Документы по истории высшего духовного образования в России в Фонде Поместного Церковного Собора 1917–1918 гг. // Отечественные архивы. 2007. № 4. С. 87–96.

28. Сухова (2007б) — *Сухова Н. Ю.* Обсуждение проблем высшего богословского образования на Поместном соборе 1917-1918 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2007. № 4 (25). С. 28–45.
29. Фирсов (2002) — *Фирсов С. Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2002.
30. Фирсов (2007) — *Фирсов С. Л.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатисъ, Держава, 2007.
31. Шкаровский (2015) — *Шкаровский М. В.* Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв. СПб., 2015. Т. 1.